

Александр Малышев

Гравитация любви

Александр Малышев

Гравитация любви

<https://litres.ru/74692967>

SelfPub; 2026

Аннотация

У нас была идеальная любовь, пока она не разбилась о быт и черную дыру на горизонте событий. Когда станция оказалась на краю гибели, а человечество потеряло надежду, мы с Аней уже почти убили друг друга словами. Но чтобы спасти мир, нам пришлось снова научиться слышать. Говорят, черную дыру нельзя победить. Говорят, она — абсолютный ноль. Но что, если её «Абсолютный порядок» можно сломать... «Абсолютным хаосом» нашей любви? Мы летим в бездну, держась за руки, и единственное, что у нас осталось — это воспоминания. О мороженом, о зеленке для разбитых коленок и о том, как она засыпала у меня на плече. Это не история о спасении Земли. Это история о том, как два человека решили сгореть дотла, чтобы во Вселенной снова стало тепло.

Александр Малышев

Гравитация любви

Глава 1 Угроза

Меня зовут Виктор. После того как мы разошлись с моей женой Анной, моя жизнь пошатнулась. Я начал пить, курить, но где-то в глубине души всё равно любил её. Мы вместе работаем на одной станции, она называется «Горизонт». Мы исследователи, ищем угрозы для планеты, для нашего вида.

И вот в один из дней всех собрала Аня. Мы увидели угрозу всему нашему виду: к нам летела огромная чёрная дыра. Казалось бы — конец. И да, конец, пока мы не найдём способ её уничтожить.

Все мы знаем, что чёрную дыру невозможно уничтожить. Она — как Абсолют, суперкомпьютер, который любит порядок и не терпит хаоса. Но если добавить хаос в его систему, система умрёт. Какой именно хаос нужен, мы не знали. У нас было время, чтобы придумать способ предотвратить угрозу всему живому.

Сразу же в ту ночь мы начали звонить всем подряд, говорить о том, что к нам летит. Нашу чёрную дыру видели только мы. Людям в новостях ничего не показали — иначе началась бы паника, а за ней митинги и протесты. Мы решили никому не рассказывать, а сесть и подумать. По слухам, уже на следующий день я узнал, что президента решили отпра-

вить в космос, на Луну, чтобы он там пересидел. Но это тоже бред. Как это поможет, если у нас всё на Земле? Короче, если мы не найдём решения — нам конец.

На следующий день я подошёл к ней в инженерном отсеке. От неё пахло озоном и холодным металлом.

— Ну и что будем делать с этой угрозой? — спросил я, стараясь звучать ровно.

Она даже не обернулась, продолжая копаться в проводах.

— Вот ты сам и думай, — бросила она всё тем же своим старым, ворчливым тоном. И ушла. Я остался стоять один. Она не изменилась ни на йоту. Всё та же броня. Всё та же боль.

Я сел за терминал и открыл чистую страницу. Физика. Законы. Мы перебрали всё: гравитационные лазеры, антиматерию, кинетические удары. Всё заканчивалось одинаково — абсолютный ноль. Чёрная дыра раскладывала любую материю на атомы, даже не заметив сопротивления. Нам нужно было что-то, что выдержит хотя бы секунду. Что-то, что нельзя разложить.

Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза.

Холод.

Мы так много говорили о термодинамике. Если чёрная дыра — это абсолютный холод, идеальный порядок, то победить её может только... тепло. Хаос.

Мысль ударила меня под дых. Я аж подскочил. Тепло. Но какое? Огонь? Он сгорит за микросекунду. Реактор? Его сду-

ет, как спичку. Теплота... Я схватил ручку и начал чертить прямо на столе. Кружок — дыра. От него стрелочки — холод. Навстречу — стрелочка... теплота.

Если мыслить абстрактно... Что такое человеческое тепло? Это не джоули. Это память. Это связь.

Я с силой ударил кулаком по столу. Как? Как взять это «тепло» и упаковать в снаряд? Мы не можем просто отправить в неё наши фотографии. Чёрная дыра — не сентиментальная барышня. Ей плевать на наш отпуск в Сочи или фото с выпускного. Она разложит фотобумагу на кварки и не заметит разницы.

Ноутбук с архивом нашей любви? Смешно.

Нужно что-то плотнее. Что-то горячее.

Я сжал голову руками. Господи, это же... это же мы сами. Наши нейроны. Наше сознание в момент пика.

Я не боюсь смерти. Я и так не живу все эти годы без неё — просто функционирую. Ради человечества? Ради вида? Я бы отдал свою жизнь не задумываясь.

Но как превратить душу в частоту? Как заставить прибор считать любовь? На следующий день ко мне подошёл мой студент. Мальчик-гений, совсем ещё зелёный, но с глазами, в которых уже плясало безумие больших открытий.

— Виктор Александрович, — начал он, заикаясь от волнения. — А если... если отправить туда человека?

Я посмотрел на него. На его дрожащие руки. На его надежду.

— даже не продолжай, — отрезал я. Мой голос прозвучал жестче, чем я хотел. — Нет. Я не буду рисковать чужими жизнями.

Я не сказал ему, что готов рискнуть своей. Но для этого сначала нужно разобраться с Аней. Нельзя идти на смерть, оставляя за спиной ледяную войну. Я должен всё исправить здесь. Сначала — тепло дома, потом — война с космосом.

Тем временем наша команда выгорала. В лаборатории стояла такая тишина, что было слышно, как гудят лампы. Я видел их потухшие взгляды. Мы топтались на месте. Физика была непробиваемой стеной: сингулярность просто расщепляет любую материю. Мы бросали в расчёты всё — от плазмы до экзотической материи. Всё превращалось в ноль. Я видел, как один из наших лучших математиков, Петров, сидел, уставившись в одну точку. На экране его монитора была открыта фотография — жена и двое детей на пляже в Крыму. Он не работал. Он просто смотрел и беззвучно шевелил губами.

Прощался.

Многие из них уже сдались. Они просто ждали конца, пересчитывая дни в календаре. Но мы не сдавались. Мы продолжали биться головой об эту стену.

Однажды, проверяя зашифрованные каналы связи, я наткнулся на анонимный форум. Кто-то из младшего персонала, не выдержав, написал: «Нас обманывают. К нам летит

блуждающая чёрная дыра. Нам конец. Бегите».

Пост висел минут пять, не больше. Потом исчез.

Я знаю, как это работает. Это наши «чистильщики». Ребята из службы безопасности. Они мониторят сеть 24/7, выжигая любую утечку. И они правы.

Если дать толпе эту информацию, начнётся ад. Паника, мародёрство, срывы. Мир и так держится на нитке. Если добавить к нашей внутренней боли — боли учёных, которые не могут найти выход — ещё и внешнюю боль толпы... мы просто сойдём с ума. Мы не найдём решение этой невозможной задачи в эпицентре бунта.

Я нашёл её в архивном отсеке. Она стояла у стеллажей и перебирала старые бумажные папки — судорожно, быстро, словно от скорости этих движений зависела её жизнь. Пыталась спрятаться в работе.

— Привет, — сказал я, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Может, прогуляемся сегодня? По нашим местам.

Она даже не подняла головы. Папки в её руках затрещали.

— Мне некогда, Виктор. У нас дыра на пороге, если ты не заметил. Некогда.

— Я заметил, — я шагнул к ней и просто забрал у неё всю стопку. Оторвал от неё её щит.

Она замерла. Её глаза... в них не было злости.

Только чистый, животный страх. Она боялась. Боялась так же, как и все те учёные, что смотрели на фото детей. Но она

злилась, чтобы не сойти с ума.

— Ты что хочешь, Витя? — её голос стал тихим, опасным. — Прогуляться? Мы же всё уже решили. Это ты тогда решил, что не хочешь ничего строить. — Она ткнула мне пальцем в грудь, пытаясь достать до боли. — Это ты всё разрушил.

Я перехватил её руку. Она попыталась вырваться, но я держал крепко. Я поднёс её ладонь к губам. Хотел поцеловать — нежно, как в молодости.

Она отдернула руку, как от ожога.

— Я хочу всё исправить, — сказал я в пустоту. —

Ань, я хочу всё вернуть. Всё, что было. Она смотрела на меня секунду. В её глазах стояли слёзы, но лицо было каменным. Она развернулась и ушла. Каблуки простучали по металлу коридора, отсчитывая мои похороны. — Чёртова жизнь, — выдохнул я в сжавшееся пространство.

— Она не взорвётся, — раздался за спиной тихий голос.

Я обернулся. Студент. Он всё это время стоял в тени стеллажей. Не ушёл. Упрямый щенок.

Прямо как я.

— Что ты сказал?

— Чёрная дыра, — он сглотнул. — Она не взорвётся от тепла сама по себе. Тепло — это просто энергия, она её поглотит. Нужен...

резонанс. Капсула. Если запустить в её систему не просто тепло, а цепочку... цепочку синхронизированных воспоминаний...

наний... два сознания, связанные в один узел в момент смерти. Это создаст парадокс.

Информационный взрыв. Она не выдержит противоречия.

Я смотрел на него, но не слышал. В ушах всё ещё стучали её каблуки.

Иди... — махнул я рукой. — Иди думай дальше.

Про свои капсулы.

Я вышел из отсека. Пошёл не в бар, а сначала к обзорному куполу. Там висела она. Маленькая, идеальная точка абсолютного нуля. Я смотрел на неё, и мне хотелось смеяться. Я был готов отдать жизнь за человечество, но оказалось, что мне нечего предложить. Моя жизнь и так была мертва.

В бар я спустился позже. Алкоголь обжёг горло, но не принёс забвения. Только тяжёлую, глухую тоску.

Я проснулся от ошеломляющей боли в голове. Давно я так не пил. По классике потянулся за водой: на тумбочке всегда стоял стакан, или таблетки. Их обычно оставляла Аня — я часто напивался, когда мы не сдавали какие-нибудь отчёты, а я так уставал на работе. Она это видела и понимала, заботилась: то свитер принесёт, то чай сделает. А я за это дарил ей букеты роз.

Мне нравилось делать что-нибудь руками. Однажды я на-

рисовал ей розу простым карандашом. Сидел тогда всю ночь, вырисовывал детали и снизу подписал: «Моему ангелочку». Подарил ей — ей очень понравилось, она даже не ожидала от меня такого. А я сделал это просто потому, что хотел её порадовать, сделать приятное.

А тут я сам встал и взял этот чёртов стакан. Смотря на плед, который мы тогда купили вместе, я вспомнил, как мы сидели под ним, обнимая друг друга. Перед нами стояла бочка, в которой горел огонь. Мы тогда смеялись, и нам было так хорошо вдвоём. Я взял этот плед и убрал в шкаф — он приносил боль.

Я встал и пошёл на работу. Аня ничего не сказала, но остальные заметили моё состояние — я знатно набрался. Я соврал им, что просто не выспался, и они поверили. Мы стали решать, что делать. Точнее, другие учёные. Они там о чём-то спорили, некоторые чуть ли не матерились от злости, что всё упиралось в физику. Был даже момент, когда один учёный чуть не подрался из-за того, что его теория оказалась провальной. Второй начал кричать, что она — отстой, и тот, естественно, разозлился. Охрана разняла их и рассадила по углам.

А я тем временем хотел наладить отношения с Аней. Начал с букетов от поклонника, то есть от себя, но, проходя мимо мусорки, замечал там свои же цветы. Вот это холодный душ. И правильно, я же тогда сам ушёл.

Я никогда не рассказывал, как мы поссорились. Так вот,

никогда так не делайте: никогда не пропадайте из жизни женщины. Она может сильно обидеться и не простить, как меня, хотя сильно любила. Аня тогда хотела семью, детей, а я не был к ним готов. Я боялся, что не потяну ребёнка, что мы погрязнем в долгах. Мне кажется, все мужики боятся не потянуть семью. Я испугался, уехал, пропал, и через год вернулся. А она сказала «нет». Мы развелись, хотя тогда я уже был готов к детям и семье. Мне просто нужно было время, чтобы осознать: молодой парень во мне наконец превратился в мужчину, который способен держать на своих плечах семью и ребёнка.

Глава 2 Контакт

И я устроился к ней в Горизонт на станцию в этот исследовательский пункт она была уже на хорошем счету у всех и все ее знали и мне не пришлось долго ее искать она работала там и к ней устроился я, лишь для того чтобы помирится с ней но все не выходило конечно она сначала спрашивала о том почему я сюда устроился но я говорил что другой работы нет другого оправдания я не придумал ну и она поверила и я остался здесь и до сих пор мирюсь с ней. Но я точно знал что она любит меня где то в глубине души и страдает так как я все это время при этом хочу исправить все помирится с ней и построить семью детей родить но простит ли она меня?

И пытался мирится но все не выходило она после моей пропажи стала холодной и своими цветами и подарками я только злил ее и я перестал пробовать а сейчас нужно пере-

смотреть способы для примерения может даже совместная работа с ней быть ближе к ней как раньше.

И на следующий день я снова пошёл на работу. Меня сбил студент — он выбежал с какими-то свёртками чертежей и стопкой книг и даже меня не заметил. Мы с ним поговорили: он извинился, что сбил меня, и начал мямлить что-то про хокинговское излучение. Мол, если перебить этот упорядоченный поток «белым шумом» человеческих нейроимпульсов, возникает термодинамический диссонанс.

Студента я так и не дослушал.

Увидев Аню, я побежал к ней. Я знал, что она должна была остаться сегодня до поздна из-за этих долбанных отчётов, и решил помочь ей их разобрать. Быть ближе, как раньше, и хоть так заслужить доверие. Я с уверенностью шёл предложить свою помощь, но она отказала. Я расстроился, что не получится, но не отказался от идеи всё исправить. Насильно прийти к ней я тоже не мог — она бы меня сразу выгнала, и этим я ещё больше всё испортил. Поэтому я хотел мягче. Она же сама такая мягкая. Это сейчас она такая сильная, холодная, но я же знаю, какая она.

Начну с того, что она очень добрая. Она придёт на помощь, просто придёт и поможет тебе, не взяв ничего взамен. Ведь ей, наоборот, хочется быть доброй, помогать всем вокруг. И всегда, когда мы встречались, она рассказывала мне, что опять куда-то идёт помогать. Я лишь говорил: «Большое сердце у тебя, Аня». И она молчала. Она уставала, конечно,

от всей этой помощи, ну а я заботился о ней, поддерживал её. И кроме неё у меня никого не было. Я мог лишь ей довериться. Когда-нибудь — только ей. А также могу сказать про её юмор, про её смех. Она очень весёлая и жизнерадостная, шутить умеет, но я полюбил её смех. Мы как-то в дождливую погоду стояли под зонтом, смеялись, и я перестал смеяться и смотрел на неё — как она смеётся. Мне хотелось так и смотреть на неё, как она смеётся. Она — лучшая, кого я когда-либо встречал, и никто не заменит её. Она та самая.

Но я скажу, что ей самой неохота держать вид холодной и ледяной королевы, потому что сама она не такая. Это я виноват в этом. Но я исправлю это. Надо просто подумать.

После того как ничего не получилось с Аней, я решил заняться проблемой. Я вспомнил студента — он говорил что-то про хокинговское излучение плюс энтропию. Так понятно. Я зашёл в сеть и нашёл формулу Бекенштейна — Хокинга. И я понял: чёрную дыру нельзя просто согреть, её нужно оглушить информационным шумом, который она не сможет прочитать. Но когда мимо проходила Аня, я отвлекался на неё, потому что душа хотела к ней, а не к отчётам и проблемам. Я думал не о том.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.